

**В. В. Попов**

## **НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ**

В статье раскрываются возможности фальсификации истории через методологические особенности формирования историографии. Отмечается неизбежный субъективизм реконструкции исторических событий. Указывается на особенности изложения в СМИ исторических событий. На примере сталинских репрессий показана связь между историографией как ценностной интерпретацией истории и возможностью управления общественным сознанием

*Ключевые слова:* историография, ценностная интерпретация истории, закономерности в историографии, прагматическая рефлексия, причинность в гуманитарных науках, сталинские репрессии, фальсификация истории, управление государством, управление общественным сознанием.

**V. V. Popov**

## **SOME ISSUES OF FALSIFICATION OF HISTORY**

The article draws attention to the possibilities of falsification of history via methodological peculiarities of historiography formation. The author points out the inevitable subjectivism of the reconstruction of historical events as well as the peculiarities of their narration in mass media. The article shows the connection between historiography as a value interpretation of history and the possibility to control public consciousness through the example of Stalin's repressions.

*Keywords:* historiography, value interpretation of history, common factors in historiography, pragmatic reflection, causality in humanities, Stalin's repressions, falsification of history, government, control of public consciousness.

Актуальность данной статьи обусловлена важностью управленческого аспекта интерпретации прошлых событий из жизни страны. Толкование истории — весьма серьезный инструмент управления общественным сознанием. Если *убедить* группу людей, что есть общечеловеческая, нормальная, т. е. *хорошая* линия развития, а есть отклонения от нормы, то естественным побуждением людей будет жизнь согласно нормальной линии развития. Следует подчеркнуть, что речь вовсе не обязательно должна идти о доказывании подобных постулатов. Существует не менее востребованное убеждение.

Между доказыванием и убеждением связь может быть весьма туманной: слишком уж различны цели и средства. Можно доказать, не убедив, а можно убедить, ничего не доказав. Однако весьма существенные различия не мешают

определенным субъектам произвольно взаимозаменять данные термины. Впрочем, чаще речь идет о подмене доказывания убеждением. Такая подмена далеко не всем очевидна. Даже если речь идет не о политической пропаганде, а о науке. Еще Ницше сетовал: «...(одаренным людям) достаточно найти вообще какую-нибудь гипотезу по данному вопросу, и тогда они пламенно защищают ее и полагают, что этим сделано все. Иметь мнение — значит у них уже фанатично исповедовать его и впредь приютить в своем сердце в качестве убеждения. В необъясненном вопросе они горячатся в пользу первой пришедшей им в голову выдумки, которая похожа на объяснение, — из чего, особенно в области политики, постоянно получаются наихудшие результаты... Более того, присматриваясь повнимательнее, замечаешь, что огромное большинство всех образованных людей требует от мыслителей убеждений, и одних

убеждений, и что лишь ничтожное меньшинство ищет *достоверности*» [1, с. 635].

Благодатной почвой для формирования убеждений о настоящем через восприятие и оценку прошлого является история.

Следует понимать, что реальная история как череда событий — это одно явление. Это собственно и есть история. Совсем другое явление — описание и объяснение этих событий — это реконструкция истории, которая будет в контексте данной статьи именоваться «историографией».

В случаях серьезной фальсификации история и историография могут иметь друг к другу очень отдаленное отношение. В историографию практически невозможно включить все события реальной истории. Любой историк будет вынужден выделить для описания исторического отрезка более и менее масштабные или же значимые события. При этом он будет вынужден использовать ту или иную схему *интерпретации* масштабности, значимости событий. Столь же необходимой будет и выделение *причинных* [2] связей между событиями. Это демонстрируется упоминанием о том, что история (в значении историографии) позволяет установить закономерности исторических событий. Следовательно, если речь идет об историографии явлений политического, социального и экономического характера, то историк будет вынужден давать оценку (например значимости) событиям политического, социального и экономического характера [3], а затем связывать, например, политические и экономические события.

Конечно, можно попробовать возразить, говоря, что данное рассуждение приписывает науке субъективизм, что историк не связывает события произвольно, а лишь выявляет закономерности, которые объективно существуют между событиями. На это можно ответить следующим образом, апеллируя уже не только к здравому смыслу, но и к специальным знаниям.

К основным функциям науки в рассматриваемом контексте относятся описание

(линия Паскаля-Ампера в понимании теории), объяснение (линия Декарта-Лапласа) и прогноз (линия Конта).

Если говорить об объяснении, то необходимо отметить, что в науке издавна существуют два направления объяснения. Это аристотелевская и галилеевская схемы объяснения. Более тщательный подход заставляет говорить об аристотелевском понимании и галилеевском объяснении, но в нашем контексте ограничимся двумя направлениями именно объяснения.

Как известно, упоминая галилеевскую схему, нужно говорить о еще платоновской концепции, но отнесение ее к Галилею является более распространенным, хотя необходимо отметить также немаловажную роль именно Галилея в ее развитии. Строгая естественность и объективность процессов предполагает возможность использования именно галилеевской дедуктивно-номологической конструкции, когда утверждение, описывающее событие, дедуцируется (логически выводится

в рамках субъектно-предикатной схемы) из общих законов (необходимых физически, законов природы — *nomos*), описывающих предшествующие условия. Общий закон является объясняющим, если он дедуцируется из более исчерпывающего закона [4, с. 9]. Иными словами, такая модель объяснения возможна лишь в сфере *наук естественных*. Данная модель объяснения вообще (отдавая дань научному оптимизму, можно добавить — по крайней мере, на настоящий момент) не может быть применима к гуманитарным наукам. Именно поэтому можно согласиться

с Г. Х. фон Вригтом (Райтом) в том, что для *наук гуманитарных* используется аристотелевская модель — телеологическое и мотивационное объяснение. Недаром Гемпель отмечал такое свойство данного объяснения, как антропоморфность [4, с. 103]. Если же считать цели и мотивы поведения *субъекта* объективными, то это представляется не совсем удачным оперированием термином «объективность» в гуманитарных контекстах, поскольку оно сопряжено с уходом термина от своей картезианской [5] «исторической родины»

— сфер гносеологических. Иными словами, в историографии невозможно установить причинность как физически или логически необходимую связь между явлениями, которые являются в основе своей (как и во всех иных гуманитарных науках) поведением человека. Таким образом, как цели и мотивы, порожденные сознанием одного субъекта, так и осознаваемые другим субъектом связи между этими целями и мотивами, не могут исключать субъективизма. Поэтому можно говорить о том, что историк связывает между собой те или иные исторические события, а также об intersubjectности в конструируемых связях явлений и событий.

Напомним, в среде историков не было и нет единства мнений, например о периодизации как всемирной истории, так и истории отдельных стран. Согласно взглядам античного мыслителя Гесиода человеческая история делится на века — циклы, каждому из которых соответствует определенное поколение людей. Ход истории изображается как последовательная смена золотого, серебряного, медного, героического и железного веков. Джамбаттиста Вико (1668—1744 гг.), автор «Оснований новой науки об общей природе наций» разделил историю человечества на Век богов, для которого характерны догосударственный строй, появление семьи, религии, письменности, правовых представлений; Век героев — эпоху господства аристократии, ожесточенных столкновений феодалов и крестьянства; Человеческий век — времена буржуазных республик, «гуманной монархии», подъема городской жизни, царства разума.

Если использовать периодизацию «древний мир — средневековье — новое время — новейшее время», то такой период, как Средние века, позволяет включать в конкретные хронологические рамки лишь определенные государства. Но данное включение — это уже оценка развития, причем оценка, дающая основу всей интерпретации истории. Например, можно говорить о евро(по)центристской схеме историографии.

Кроме того, часто упоминается в отечественной историографии и юридической науке о недостаточной универсальности формационной типологии в интерпретации истории государства и права и обосновывается необходимость перехода к цивилизационной типологии. При этом общепризнанно, что одним из ключевых, определяющих компонентов понятия «цивилизация», как в стадийном, так и в локальном цивилизационных подходах, является понятие культуры — одно из самых сложных в научно-гуманитарной сфере. Поэтому применительно к нашему рассуждению можно ограничиться духовным компонентом культуры, дополняющим политический и социально-экономический объекты историографической интерпретации. Помимо этого, самостоятельная, метасистемная важность культурного компонента здесь обусловлена его способностью вносить в интерпретацию момент аксиологической оценки рассматриваемых событий из прошлой жизни общества. Например, А. Фергюсон (1723—1816) в «Опыте истории гражданского общества» интерпретировал историю как смену эпох дикости, варварства и просвещения.

Таким образом, историография представляет собой ценностную интерпретацию жизни конкретного государства, если речь идет об интерпретации политической и социально-экономической истории. Поскольку мы говорим о необходимости выборки событий и их соединении ради целей объяснения *задаваемой* последовательности (задается она в силу именно выборки), то в целом любая историография есть *схема ценностной интерпретации* событий реальной истории. Совершенно очевидно, что в данном случае подобная схема интерпретации имеет в своей методологической основе политическую, социальную, экономическую теорию [6].

Таким образом, выбираемая объясняющая теория будет задавать методологическую основу схеме ценностной интерпретации реальной истории. Это и будет предопределять результат — как мы в целом *предлагаем* видеть реальную историю. Помимо описанного выше неизбежного субъективизма необходимо добавить, что в

историографию весьма часто вносят избыточный субъективизм, произвольность.

Опасность данного явления обусловлена тем, что необходимо различать неизбежную и избыточную субъективность, для чего обычно требуются специальные познания. Сложность этой задачи возрастает в силу нескольких обстоятельств. Прежде всего, если вести речь об изложении исторических событий, то выходит примат убеждения над достоверностью. Главным образом, это связано с тем, что большинству людей легче принять убеждение, чем проанализировать доказательство, что вполне можно понять. Процесс научного познания — занятие трудоемкое, а потому ценность его для широких слоев населения далеко не самоочевидна. В этом контексте слова руководителя секции истории отделения историко-филологических наук, директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова о том, что в последние годы академические гуманитарии в большинстве своем в полемику не вступали и превзойти тиражи неопитов от истории не пытались, зато работали в архивах, издавали документы, писали монографии и коллективные труды [7], можно лишь с одной стороны считать комплиментом ученым-историкам.

Любая научная конференция, круглый стол и тому подобное мероприятие вряд ли будут иметь в настоящее время большой, а тем более эффективный социальный резонанс. Причина этого хотя бы в том, что академическая среда в любом современном обществе, даже если там высоки уровни и образования (т. е. само качество образования), и образованности (т. е. удельный процент населения с законченным средним и высшим образованием), ничтожна мала. Любые научные изыскания весьма далеки от основной массы населения. Можно сделать небольшую оговорку относительно наук естественных. Население готово употребить результат — технологические плоды прикладных научных изысканий (например, компьютер более компактный, более мощный и пр.). Сам процесс изысканий интересует главным образом тех, кто в нем сознательно участвует. И это объясняется как

особенностями психологии, так и реалиями современной жизни.

Если же вести речь о науках гуманитарных, и особенно исторических, то взгляд на прошлое 20-летней давности не позволяет выявить хотя бы одно явно названное в качестве такового достижение научно-исторической мысли, которое бы действительно появилось как плод научных изысканий и эффективно выполнило социальные функции, присущие любой науке. Такая удаленность от общества не имеет непосредственной связи с качеством научного исследования. Именно поэтому трудоемким доказыванием и научной достоверностью можно легко пренебречь в процессе приближения историографической информации к населению, т. е. ее ее популяризации, а также актуализации ее важности. Здесь гораздо более действенными оказываются внешние атрибуты, форма подачи информации. Так, подсчет адресной аудитории в отношении информации, представленной через научно-представительское, конкурсно-оценочное мероприятие, научное издание и т. п., и информации центрального телеканала в вечернее время укажет на эффективность ее распределения среди широких слоев населения.

В процессе популяризации и актуализации исторической информации можно легко пренебречь научной методологией как социальным аттрактором, заменив ее эффективной формой предоставления информации.

Таким образом, налицо, во-первых, реальная возможность выбора той или иной схемы ценностной интерпретации истории, а во-вторых, — возможность убеждающей правдоподобности выбранной схемы.

Для «включения» механизма фальшивых схем историографии необходим мотив фальсификатора. Основой его является важность выбранной оценки прошлого. Поскольку самоочевидно взаимодействие прошлого с настоящим, то оценка настоящего теснейшим образом связана с оценкой прошлого.

Непосредственную связь с эффективностью восприятия имеет прежде всего форма подачи

убеждающей информации по темам российской истории.

Со времен Платона и Аристотеля различают два метода убеждения: диалектический и эристический. Пропонент-диалектик сообщает оппоненту ту информацию, в которую верит сам, и приводит в ее защиту те аргументы, которые убедили его самого. Пропонент-эрист стремится убедить пропонента в правильности той информации, вера в которую выгодна ему или его заказчикам.

Здесь мы имеем дело с тем, что Гегель называл прагматической рефлексией в качестве одного из видов историографии. Этим типом интерпретации истории автор называл стремление использовать описываемые явления и факты истории для каких-то выводов или поучений своих современников.

Ключевую роль в негативной интерпретации событий отечественной истории играли сталинские репрессии. В основе ее лежит банальная фальсификация. В пику событиям реальной истории выставлен устойчивый образ фальшивой историографии.

Вполне естественно, что этот образ формируется преимущественно у максимально широкой аудитории. Именно поэтому он моделируется через средства массовой информации. Помимо названных предпосылок фальсификации истории при использовании СМИ в качестве ретранслятора фальшивой историографии появляется еще одна предпосылка: научная безответственность автора и исполнителя. Истоки такой безответственности — отсутствие механизма эквивалентного опровержения предлагаемой массовому сознанию информации (или хотя бы оппонирования). Общеизвестно, что доступ в соответствующие СМИ имеют далеко не все субъекты, осознающие факт фальсификации. В силу этого факт такой безответственности имеет важное преимущество. Авторитетный (это вовсе не обязательно научный авторитет историка) человек не подорвет (в отношении подавляющего числа адресатов информации) свой авторитет, сколь бы не были далеки от реальности излагаемые им «факты истории».

Говоря об авторитетности, можно добавить, что на заре фальсификации сталинского периода истории СССР механизм подачи информации был сложнее. Начальный информационный вброс мог осуществляться не сразу через СМИ, так как через них осуществлялась подготовка массового сознания *ipse dixit* [8]. Например, Р. А. Медведев в газетной статье «Наш иск Сталину» (Московские новости. 1988. 27 ноября) вбрасывает информацию, что за период 1927—1953 гг. было репрессировано около 40 млн. человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода. При этом автор оговаривается, что репрессированные — не значит расстрелянные. Однако западные журналисты идут дальше и начинают, пропуская существенные детали, называть цифры в 50—60 млн. физически уничтоженных.

Сами западные журналисты при этом повторяли сказанное А. И. Солженицыным в интервью испанскому телевидению еще в 1976 г. В частности, в 1991 г. передавая содержание указанной информации, газета «Комсомольская правда» поведала: «Профессор Курганов косвенным путем подсчитал, что с 1917 по 1959 гг. только от внутренней войны советского режима против своего народа, т. е. от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, — только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 млн. человек... По его подсчетам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения 44 млн человек! Итак, всего мы потеряли от социалистического строя — 110 млн. человек!» [9].

Эта идея закрепилась в общественном сознании. В частности, комментируя цифры репрессированных, названные Председателем КГБ СССР и явно не «вписывающиеся» в заранее заготовленные рамки, журналист А. Мильчаков пишет

в 1990 г.: «...И дальше он сказал: таким образом, о десятках миллионов не может быть и речи. Не знаю, сделал ли он это сознательно. Но я знаком с последними широко распространенными исследованиями, которым верю, и прошу читателей «Вечерней Москвы» еще раз

внимательно прочитать произведение А. И. Солженицына «Архипелаг Гулаг», прошу ознакомиться с опубликованными в «Московском комсомольце» исследованиями известнейшего нашего ученого-литературоведа И. Виноградова. Он называет цифру в 50—60 млн. человек. Хочу обратить внимание и на исследования американских советологов, которые подтверждают эту цифру. И я в ней глубоко убежден» [10].

Далее по тексту драматизм нагнетается за счет увеличения верхней неопределенной цифры: «Четверть миллиарда — 250 млн. потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 млн. из них в ГУЛАГе» [11, с. 174].

При этом в разгар процесса вбивания в (под)сознание данной цифры, обыватель не имел возможности получать информацию, опровергающую такие несуразные цифры. Даже такая масштабная вариативность точно так же практически не обосновывалась через главный канал подачи данной информации (СМИ).

Говоря о безответственности как о благодатной предпосылке фальсификации истории и иллюстрируя факт самой фальсификации, можно привести следующий пример. Один из идеологов перестройки А. Н. Яковлев через весьма авторитетное издательство «Новости», которому в 1991 г. еще доверяли очень многие наши соотечественники [12], писал о сталинском периоде нашей истории: «Насильственно уничтожены более шестидесяти миллионов людей, в основном молодых, красивых и здоровых, родившихся, чтобы жить, творить и радоваться жизни. Их нет. Подорвана сама корневая система народа» [13, с. 260].

Могло ли иметь место добросовестное заблуждение относительно таких цифр, особенно если учесть, что господин А. Н. Яковлев несколькими годами раньше уже имел полный доступ к соответствующим государственным архивам? Вопрос кажется риторическим, если учесть, что Председатель комиссии ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, А. Н. Яковлев писал в докладной записке, датированной 25.12.1988 г.: «В результате изучения документальных

материалов органами государственной безопасности установлено, что в период 1930—1953 гг. по возбужденным органами ОГПУ, НКВД, НКГБ — МГБ 2 578 592 уголовным делам было подвергнуто репрессиям 3 778 234 чел., в том числе осуждено к высшей мере наказания (расстрелу) 786 098 чел. Среди лиц, подвергнутых репрессиям, осуждено судебными органами 1 299 828 чел. (в том числе к расстрелу — 129 550 чел.), несудебными органами — 2 478 406 чел. (в том числе к расстрелу — 656 548 чел.).

В настоящее время остаются пока непересмотренными 1 575 975 дел на 2 192 130 чел.

В их общем количестве — 738 866 дел производства несудебных органов, по которым осуждено 1 097 293 чел. (в том числе к расстрелу — 339 125 чел.)» [14].

Что послужило основанием для увеличения цифр незаконно расстрелянных с 786 098 либо даже 1 107 223 (786 098 + 339 125) человек в официальных документах до десятков миллионов человек в документах, менее строгих к обоснованности количественных показателей? Думается, что речь идет не о случайной погрешности в тысячи процентов (!), а о прагматически рефлексивной схеме историографии, дающей следующую ценностную интерпретацию истории СССР (государства, подрывающего саму корневую систему народа). По сути — это государство-паразит. Отсюда и схема управления общественным сознанием через обоснование реформ, приведших к разрушению СССР — паразитов принято уничтожать.

В целях формирования в массовом сознании выводов подобного рода через средства массовой информации и осуществлялось толкование некоторых моментов нашей истории через ее прямую фальсификацию. В этом смысле фальсификация истории, создавая предпосылки общей направленности интерпретации современных, прежде всего, политико-правовых событий (уход от «плохого» прошлого к «хорошему» настоящему), является основой для управления делами государства.

В целом данный аспект управления создает у соответствующей части общества идеологические предпосылки для гражданского повиновения в условиях той или иной направленности внутренней и внешней политики государства, направленности реформирования социально-государственной жизни.

## Примечания

1. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. М., Мысль, 1990. Т. 1.
2. Данный термин здесь употреблен не в строгом значении, о чем будет сказано далее.
3. Конечно, можно вести речь об истории отдельно взятой религии, широко распространенной в конкретном государстве, истории развития вооруженных сил, науки, техники и т. д., но в контексте данной статьи мы будем говорить о наиболее резонансных для общественного сознания аспектах истории страны.
4. Именно Карл Густав Гемпель впервые четко связал объяснение с дедуктивным выводом. См.: Гемпель К. Г. Логика объяснения. М., 1998.
5. Современная трактовка понятия «субъект познания» берет свое начало у Р. Декарта, который постулировал исходным пунктом анализа любого познания противопоставление субъекта и объекта. Впрочем, такое понимание зиждется еще на платоновском разделении мнения (*греч. doxa*) и знания (*греч. episteme*).
6. В данном случае термин «теория» понимается не в строгом смысле. Речь идет как о собственно теориях, так и о менее притязательных в смысле логической замкнутости, полноты и выводимости доктринах, концепциях, взглядах и т. п.
7. Подроб.: [http://www.ng.ru/science/2012-09-12/12\\_history.html](http://www.ng.ru/science/2012-09-12/12_history.html).
8. *Lat. ipse dixit* — букв. «сам сказал». Аргумент к авторитету. Является одним из видов ошибок в доказывании.
9. Размышления по поводу двух гражданских войн: Интервью А. И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.
10. Вечерняя Москва. 1990. 14 апреля.
11. Крахмальникова З. Зачем еще раз убивать Бога? Он все равно воскреснет // Русская идея и евреи: роковой спор. М.: Наука, 1994.
12. С точки зрения сегодняшнего дня выбор А. Н. Яковлевым издательства выглядит логично не столько потому, что издательству доверяли, сколько из-за того, что идеологическое кредо издательства выражалось в публикации работ таких известных авторов, как Э. А. Шеварднадзе, М. С. Горбачев, Д. А. Волкогонов и др.
13. Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. М.: Новости, 1991. Необходимо отметить, что это суммарная цифра с учетом погибших в войне (при непосредственной вине Сталина). В числе жертв политических репрессий называлось 32 млн человек. При публицистической подаче информации обычно не уточнялось разделение на цифры расстрелянных и репрессированных в иных формах. Однако добавлялось, что с учетом неродившихся детей, начиная с 1917 г. народы СССР лишились более 100 млн. человек.
14. История в документах. Россия XX век [Электронный ресурс]. Архив А. Н. Яковлева. Со ссылкой на РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 96. Л. 3. Подлинник. Машинопись. Опубликовано: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 109. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/76019> (дата обращения: 20.01.2013).